

Российская академия наук
Институт всеобщей истории
Центр истории Византии
и восточнохристианской культуры

Каптеревские чтения

15



МОСКВА – СЕРПУХОВ
2017

УНИАТЫ ЕГИПТА ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ И РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ*

О.Е. Петрунина

Ключевые слова: Египет, Османская империя, внешняя политика России, греко-католическая церковь.

Начиная с эпохи Контрреформации католическая пропаганда все активнее действовала на православном Востоке. Результатом этой политики, проводившейся упорно и методично на протяжении многих десятков, а затем и сотен лет, стала уния с Римом многих дохалкидонских Церквей, а также раскол в рядах православных и переход в унию части духовенства и мирян. Александрийская православная Церковь долгое время не испытывала этого соблазна, возможно, потому что была до начала XIX в. слишком малочисленна и бедна. Кроме того, это традиционно была греческая Церковь. Униаты как значимая социальная группа в Египте XIX в. — это арабы, выходцы преимущественно из Сирии и Ливана, где униатская община в XVIII в. организационно оформилась в отдельную Церковь. Хотя она в источниках часто называется греко-униатской, слово «греческий» в данном случае имело конфессиональное, а не этническое наполнение и указывало на сохранение униатами византийской обрядности.

Несмотря на поддержку католических держав, уния встречала на своем пути препятствия не только в лице православного духовенства, но и в лице османских властей, опасавшихся нелояльности пользовавшихся консульским покровительством униатов, которые, как справедливо замечают исследователи, не были интегрированы в имперскую административную систему¹. Положе-

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ 16-01-00306.

¹ *Панченко К.А.* Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. С. 459.

ние изменилось в связи с греческой революцией 1821 года, после начала которой Порта стала относиться с подозрением уже к православным. Кроме того, на ослабевающую Османскую империю усиливалось давление европейских держав. В 1829 г. Порта предала униатам свободу вероисповедания.

В 1833–1840 гг. Сирия и Ливан находились под властью Египта. В этот период условия для существования униатской общины были исключительно благоприятными: строились церкви, прибывало число верующих, православные подвергались гонениям. Порта признала сирийских униатов самостоятельным миллетом наравне с другими миллетами империи. Униатский Антиохийский патриарх Максим Мазлум в 1838 г. получил от папы Григория XVI право именоваться также Иерусалимским и Александрийским греко-католическим патриархом. Таким образом, униаты Египта также находились под его юрисдикцией.

Что касается численности униатов в Египте, то сведения о них несколько противоречивы. К.А. Панченко полагает, что в начале XIX в. их было 4 тыс. чел.² Между тем, К.М. Базили указывал, что «до 500 семейств униатов, сирийских выходцев, обитают в Египте и в Константинополе»³. По сообщению российского генерального консула в Египте Н.К. Гирса, египетская униатская община в 1857 г. насчитывала около 2 сотен семей⁴, что согласуется со сведениями К.М. Базили. К этому времени униаты успешно пользовались старинным названием православных на Ближнем Востоке — мелькиты, которое теперь стало употребляться не только ими самими в качестве самоназвания, но и внешними наблюдателями. Так, Н.К. Гирс в своих донесениях использует названия «греко-униаты» и «мелькиты» в качестве синонимов.

После возвращения Сирии под прямое управление Порты положение униатов ухудшилось. С 1841 г. начались столкновения между друзьями и маронитами в Ливане, поэтому, в целях безопасности, патриаршая резиденция была перенесена в Дамаск⁵. После кончины Максима Мазлума в 1855 г. патриархом был избран Климент Бахут (Бахус). Одним из первых мероприятий нового униатского патриарха стала календарная реформа, проводившаяся по инициативе апостольского викария в Сирии архиепископа Паоло Брунони, в 1857 г. назначенного нунцием в Константинополь. На

² Там же. С. 459.

³ *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством. М., 2007. С. 133.

⁴ АВПРИ. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 864. Л. 3. N. Giers à prince Gortchacoff. № 9. 29 апреля/11 мая 1857 г.

⁵ *D'Avril A.* Les Grecs Melkites: étude historique // *Revue de l'Orient Chrétien*. Vol. III. Paris, 1898. P. 21.

новом месте монсеньор Брунони обладал большими возможностями для латинизации униатов.

Относительно календарной реформы французский дипломат барон д'Авриль писал: «Если бы патриарх предварительно проконсультировался со своей нацией, здравомыслящей и дружественной прогрессу, он, скорее всего, получил бы всеобщее одобрение этой самой по себе замечательной меры, но вводить ее следовало осторожно, ввиду приверженности восточных христиан своим древним обычаям и их опасений быть латинизированными. Патриарх пренебрег этим, и его постановление вызвало ужасную бурю как в Египте, так и в Сирии»⁶. Вряд ли предварительные консультации смогли бы решить проблему, поскольку «неоднократно уже предписывал папа введение нового календаря, давно уже принятого другими католическими сектами на Востоке; но греко-униаты упорно придерживаются старого календаря и всех обрядов греческой церкви»⁷. Поэтому неудивительно, что календарная реформа вызвала серьезные протесты.

По словам того же Адольфа д'Аврилья, одним из главных лидеров сопротивления реформе стал «бывший базилианский монах по имени Джибара». Архимандрит Гавриил Джибара был также автором нескольких антилатинских сочинений и проекта создания новой арабской православной общины, которая была бы независимой как от папы, так и от греческих Антиохийского и Александрийского патриархов. Созданная Джибарой община имела в Египте свою церковь, которая вскоре была закрыта французским консульством по просьбе патриарха Киимента. Позиция архимандрита Джибары, как утверждает д'Авриль, была одобрена российским консулом, затем архимандрит Джибара отправился со своим проектом к Иерусалимскому и Константинопольскому патриархам и получил горячую поддержку. Заручившись также письмом российского посла в Константинополе, он поехал в Бейрут, а все российские консулы «трудились над тем, чтобы посеять раздор среди мелкитов»⁸.

Однако версия о такой агрессивной активности российской дипломатии сразу после поражения в Крымской войне выглядит несколько сомнительно. Как же представляются эти события в русских источниках?

В своем донесении А.М. Горчакову от 29 апреля/11 мая 1857 г. Н.К. Гирс писал о том, что календарную реформу поддерживали консулы католических государств, прежде всего Франции.

⁶ Ibid. P. 29.

⁷ *Базили К.М.* Сирия и Палестина... С. 132.

⁸ *D'Avril A.* Les Grecs Melkites... P. 29.

И «если в сирийской общине она встречает некоторое сопротивление, то в Египте она столкнулась с резкой оппозицией»⁹. Лидером этой оппозиции российский генконсул также называет архимандрита Джибару, одного из самых уважаемых священников в александрийской общине. Реакцией на его открытую проповедь против реформы стала угроза запрещения со стороны патриарха Климента. Однако это его не остановило. Большинство униатов, по мнению Гирса, были готовы перейти в православие, если реформа не будет отменена. Некоторая часть мелькитов все же колебалась, ориентируясь на своего соплеменника неаполитанского консула Деббана, вынужденного волей-неволей содействовать реформе¹⁰. Это были люди, связанные какими-то (в первую очередь, деловыми) интересами с католическими государствами. В целом, как писал Н.К. Гирс, «египетская община греко-униатов или мелькитов ... ныне переживает настоящий кризис, угрожающий самому существованию здесь этой конфессии»¹¹.

При по видимости безучастной позиции по этому делу египетских властей, предпочитавших не вмешиваться в него открыто, активными его участниками оказались иностранные дипломаты.

Н.К. Гирс, по его собственным словам, придерживался роли наблюдателя, намереваясь лишь сделать официальное заявление вице-королю Саид-паше о нежелательности для Египта сближения с католической Церковью, грозящего стране усилением иностранного влияния, в том случае, если «вмешательство в это дело кого-либо из моих (католических. — *О.П.*) коллег будет ощущаться слишком сильно»¹². Всем мелькитам, обратившимся за поддержкой в российское генконсульство, было отказано. Единственным жестом в поддержку противников реформы было принятие на вакантную должность переводчика в российское генконсульство молодого мелькита, уволенного из неаполитанского консульства за сопротивление реформе¹³.

В российском МИДе сама календарная реформа была расценена как «прозелитизм католической пропаганды», но, при кажущейся заинтересованности России в возвращении униатов в православие, инструкции дипломатическим представителям на местах «не оставить без внимания» это дело, сводились к указанию «следить за участием, которое иные католические державы

⁹ АВПРИ. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 864. Л. 3об. N. Giers à prince Gortchacoff. № 9. 29 апреля/11 мая 1857 г.

¹⁰ Там же. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Л. 23.

¹³ Там же. Л. 23об.

позволяют себе принимать в этом деле»¹⁴. Такая позиция российской дипломатии в 1857 г. могла бы объясняться нежеланием только что проигравшей войну страны обострять отношения с победителями по второстепенным вопросам. Но если вспомнить, что, к примеру, за четверть века до этих событий, когда еще свежи были воспоминания о победе над Наполеоном и русский царь был почти что «главой царей», российская миссия в Греции (то есть, тоже, по тогдашним представлениям, на Востоке) также «ограничивалась ролью простого наблюдателя»¹⁵, то складывается впечатление, что Россия вообще на протяжении длительного времени не была склонна к активным дипломатическим действиям на христианском Востоке.

В данном случае события развивались в выгодном для России духе без всякого участия со стороны российского консула. Уже в конце мая того же 1857 года свыше шестидесяти семей униатов перешли в православие. Вскоре большинство мелькитов, кроме тех, кто в силу своего официального положения или прямой зависимости от католических государств был вынужден подчиниться реформе, склонились к возвращению в православие¹⁶. Н.К. Гирс, только после окончания Крымской войны прибывший в Египет, сумел за короткое время детально ознакомиться с положением христианских общин в стране и настроениями внутри них. Судя по его донесениям, он искренне желал помочь делу возвращения мелькитов в Православие, но был вынужден придерживаться полученных инструкций и крайне осторожно поддерживать противников календарной реформы. Хотя и лютеранин, Гирс прекрасно понимал, что конфессиональные вопросы на Востоке тесно связаны с политическими, и действовал в данном случае в интересах не Православия, но российского государства.

Но если российский консул не давал повода для обвинений его во вмешательстве в ход событий, — характерно, что и барон д'Авриль не может привести никаких конкретных фактов, ограничиваясь лишь общими обвинениями, — то вмешательство его католических коллег «было столь же грубым, сколь и неуместным» и далеко выходило за рамки их полномочий¹⁷. Самым ярким

¹⁴ АВПРИ. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 864. Л. 4, 4об., 19. А.М. Горчаков — А.П. Бутеневу. № 2249, 6 июня 1857 г.

¹⁵ *Персиани И.Э.* Рассуждения о Греции. От прибытия короля до конца 1834 года. М., 2016. С. 89, 103.

¹⁶ АВПРИ. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 864. Л. 5, 6, 6об., 17. N. Giers à prince Gortchacoff. № 12. 4/16 июня 1857 г.; № 19. 9/21 сентября 1857 г.

¹⁷ АВПРИ. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 864. Л. 5об., 15. N. Giers à prince Gortchacoff. № 12. 4/16 июня 1857 г.

примером такого вмешательства было закрытие находившейся в частном доме церкви, где вышедшие из унии мелькиты во главе с архимандритом Джигбарой совершали свои богослужения. Оно было совершено по требованию французского генерального консула и дипломатического агента Сабатье, угрожавшего архимандриту Джигбаре и священнику Бутни арестом в случае неподчинения, хотя последние вовсе не были французскими подданными. Они были вынуждены скрываться, ожидая удобного случая отправиться в Сирию¹⁸.

Действительно, архимандрита Джигбару впоследствии мы находим в Сирии, где вышедшим из унии мелькитам удалось сохранить за собой церковь в Дамаске — или даже открыть несколько церквей¹⁹ — и основать собственную православную общину. Эта община стала называть себя шаркий (араб. «восточный»)²⁰. Между тем, их единоверцы в Египте отправили в Константинополь депутацию с жалобой на действия французского консула и бездействие местных властей. Вскоре депутаты вернулись назад с приказом визиря немедленно открыть их церковь²¹.

Однако приказ Порты вовсе не означал успеха всего дела. Правитель Египта Саид-паша, вслед за основателем династии Мухаммедом Али, претенциозно именовал себя вице-королем и действительно был больше чем губернатором. Но слабеющие позиции Османской империи в Египте замещались иностранным влиянием. При Саид-паше наиболее сильным было влияние Франции. Не случайно в 1854 году Ф. Лессепсу удалось получить от египетского правителя концессию на строительство Суэцкого канала. Поэтому Саид-паша, не желая ссориться с могущественным французским консулом, показал ему бумагу из Константинополя и попросил совета²². Сабатье, в свою очередь, начал консультации со своим посольством в Константинополе и МИДом. Дело затянулось на многие месяцы.

И все же, ни угрозы, ни закрытие церкви не побудили вышедших из унии вернуться назад. Католической партии пришлось на этот раз признать свое поражение. Осенью того же 1857 года французский консул получил от своего министра иностранных дел А. Валуевского инструкции насчет покровительства христианскому населению на Востоке, с которыми ознакомил своего рос-

¹⁸ Там же. А. 18.

¹⁹ *Vailhé S.* Antioche, patriarcat grec-melkite // Dictionnaire de théologie catholique. Vol. 1. Paris, 1908. P. 1418.

²⁰ *D'Avril A.* Les Grecs Melkites... P. 29.

²¹ АВПРИ. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 864. Л. 60б. N. Giers à prince Gortchacoff. № 19. 9/21 сентября 1857 г.

²² Там же. А. 60б., 11.

сийского коллегу. Они были составлены в примирительном тоне и предлагали французским и российским дипломатам сообразовывать свои действия в религиозных вопросах, имеющих взаимный интерес. Сабатье также пообещал не навязывать мелькитам календарную реформу и открыть их церковь²³.

Дальнейшая судьба новой православной общины с неопределенным статусом оказалась печальной. Униатские церкви получали мощную поддержку и покровительство со стороны не только Рима, но и католических держав. В то же время, позиция России, как мы видели, сводилась преимущественно к «роли простого наблюдателя». В таких условиях лишь самые стойкие и убежденные могли не поддаваться искушению вернуться назад. А. д'Авриль пишет, что возвращение униатов началось после резни христиан 1860 года²⁴. Но побывавший в это время в Сирии архимандрит Порфирий (Успенский), напротив, писал о новых переходах униатов в православие в это время, хотя и по корыстным побуждениям²⁵. Возможно, это противоречие объясняется неопределенностью позиции многих мелькитов: они готовы были остаться в униии на прежних условиях, но при попытках давления на них со стороны Рима и его представителей угрожали перейти в православие. Иногда эту угрозу они приводили в действие. Поэтому еще одна попытка навязать им григорианский календарь, принятая латинским Иерусалимским патриархом Джузеппе Валергой, посетившим Бейрут в 1860 г., не увенчалась успехом²⁶.

Впоследствии большинство перешедших в православие униатов все-таки вернулись назад и приняли календарную реформу. В Сирии это произошло в 1865 г., после отречения патриарха Климента. Архимандрит Гавриил Джибара, казавшийся российскому консулу в Бейруте Н.О. Бегеру неблагонадежным²⁷, остался верен православию и сумел сохранить за своей небольшой общиной церковь в Бейруте²⁸. В Египте большинство мелькитов, как писал российский генеральный консул И.М. Лекс в 1871 году, также вернулось в унию. Но некоторое их число все же сохранило приверженность православию. Не имея прежней церкви в Александрии,

²³ АВПРИ. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 864. Л. 7–9об. N. Giers à prince Gortchacoff. № 24. 19 ноября/1 декабря 1857 г.

²⁴ D'Avril A. Les Grecs Melkites... P. 30.

²⁵ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т.VII. Часть 1854 года и годы 1855, 1856, 1857, часть 1858 и годы 1859, 1860 и часть 1861. СПб., 1901. С. 280, 291–292.

²⁶ Там же. С. 292.

²⁷ Там же.

²⁸ D'Avril A. Les Grecs Melkites... P. 30.

они решили строить новую и даже собрали для этой цели определенную, но недостаточную сумму денег²⁹. Все тот же Джибара поддерживал с египетскими единоверцами тесные контакты и ходатайствовал за них перед российским консулом³⁰.

Казалось бы, теперь, после отмены ограничительных статей Парижского трактата 1856 г., российский дипломатический агент в Египте должен был проявлять больше внимания к вышедшим из унии и оказывать им покровительство. Но этого не произошло. Когда архимандрит Джибара обратился к И.М. Лексу с просьбой посодействовать сбору денег для строительства церкви, то получил отказ. В одном из писем послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву российский консул так объяснил свою позицию: «Во-первых, я пять лет уже как в Египте, и во все это время никогда мелхиты ко мне ни с чем не обращались, — я даже православного мелхитского общества в Египте не знаю, — они все почти, кроме весьма малого числа, возвратились в Унию; во-вторых, если они православные, то могут ходить в греческие церкви, где служба производится на арабском и на греческом языках; в-третьих, настоящий Александрийский патриарх человек умный и справедливый, и он сам имеет намерение поднять арабскую национальность, а поэтому пускай александрийские православные мелхиты обратятся как к патриарху, так и ко мне с письменной просьбой, в которой выразят нам все свои желания, и тогда мы, оба вместе, постараемся сделать для них все, что будет возможно»³¹. Н.К. Гирс сумел за короткое время собрать информацию о мелькитской общине Египта, ее составе и настроениях, но был связан в своих действиях министерскими инструкциями. И.М. Лекс вообще не проявил к этой общине никакого интереса, не понимал нужд и настроений вышедших из унии мелькитов и не желал в них вникать. Он предложил им просто подчиниться греческому патриарху, чего они изначально делать не хотели. Его слова — образец удивительного равнодушия к судьбе людей, которые могли бы стать одной из опор российского влияния в стране.

В целом, российская политика в отношении египетских униатов после Крымской войны была скорее пассивной. Российские консулы получали инструкции ограничиваться ролью наблюдателя и не предпринимать активных действий. Развитие событий зависело и от личных качеств конкретных дипломатов. Если Н.К. Гирс за свое кратковременное (1856–1858) пребывание в

²⁹ Румыния и Египет в 1860–1870-е гг. Письма российского дипломата И.М. Лекса к Н.П. Игнатьеву. М., 2016. С. 143–144.

³⁰ Там же. С. 160, 170.

³¹ Там же. С. 144.

Египте проявил себя как дотошный и деятельный, но, в то же время, осторожный дипломат, умело использовавший даже небольшую возможность для укрепления российского влияния, то его коллега И.М. Лекс, прослуживший дипломатическим агентом и генеральным консулом в Египте свыше 15 лет (с конца 1866 по начало 1883 г.) совершенно не интересовался мелькитами и не откликался на их прямые просьбы о помощи. Такое отношение, конечно, не способствовало улучшению имиджа России как покровительницы христиан, вынуждало вышедших из унии мелькитов искать себе других защитников и наконец возвращаться под покровительство католических держав и Рима.

Резюме. В статье рассматривается положение греко-католической общины в Египте в середине XIX в. и ее реакция на календарную реформу 1857 г., нацеленную на полную интеграцию униатов в лоно католической церкви; анализируются отношения российских дипломатов с униатской общиной и их участие в развитии событий. Исследование основано на новых архивных документах.